

Изъ письма Высокопреосвященнаго Вениамина 27 октября 1886 года.

(Представленіе Императору Александру III-му).

На вокзалѣ Варшавской желѣзной дороги ждала меня придворная карета, когда я прибылъ въ Гатчину, камеръ-лакей принялъ меня прямо изъ вагона и посадилъ въ карету вмѣстѣ съ Протопоповымъ, облеченнымъ въ рясу, съ иконами въ рукахъ.

Во дворцѣ встрѣтилъ придворный священникъ и ввелъ меня въ особую комнату, гдѣ мнѣ былъ предложенъ чай, послѣ чая повелѣлъ представляться прежде къ Государынѣ и Наслѣднику. Государыня и Цесаревичъ приняли меня въ своихъ семейныхъ, маленькихъ и низенькихъ кабинетахъ. Послѣ взаимнаго рукоцѣлованія, я поднесъ имъ иконы, за которыя Они благодарили меня. Затѣмъ—нѣсколько неважныхъ вопросовъ, и я поклонился съ повтореніемъ рукоцѣлованія.

У Государя приѣмъ былъ въ официальномъ кабинетѣ. Докладывалъ о мнѣ дежурный адъютантъ Великій Князь Петръ Николаевичъ. По входѣ—также взаимное рукоцѣлованіе и поднесеніе иконы. Государь сѣлъ и, указывая на стулъ противъ себя, сказалъ мнѣ: „прошу садиться“. Первый вопросъ мнѣ былъ: „давно ли вы пріѣхали сюда?“. Затѣмъ спросилъ о поѣздкахъ по епархіи. Я отвѣтилъ, что когда былъ Камчатскимъ епископомъ, проѣзжалъ до десяти тысячъ верстъ.—„А были ли Вы на Алеутскихъ островахъ?“; не былъ, потому что острова эти не находились въ моемъ вѣдѣніи. Спросилъ еще объ алеутахъ и затѣмъ перешелъ къ обращенію буряты. Я сказала, что иркутскіе, какъ болѣе обрусѣвшіе, болѣе крестятся, чѣмъ забайкальскіе. „Нѣтъ ли отпаданій?“ „Нѣтъ, и быть не можетъ, потому что буряты, и не крещенные, считаютъ русскую вѣру первою вѣрою, и когда

въ болѣзни ни лама, ни шаманъ не помогутъ, идутъ къ священнику служить молебень;— „какое смѣшеніе понятій“,— произнесъ Государь. Я сталъ объяснять, что отъ крещенія удерживаетъ семейство, когда не хочетъ жена креститься; языческое общество, въ которомъ крещеному жить трудно, и языческое начальство, а за Байкаломъ и ламайство.— „Баронъ Корфъ“—сказалъ Государь— „говорилъ мнѣ, что ошибка въ томъ, что ламъ признаютъ за духовенство“.— „Да, это была сдѣлана большая ошибка“—прибавилъ отъ себя Государь. Я счелъ нужнымъ Ему объяснить настоящее значеніе ламъ, какъ аскетической секты, не имѣющей никакихъ отношеній къ мірянамъ; выяснилъ и свой извѣстный взглядъ, какъ бы слѣдовало христіанскому правительству относиться къ языческому суевѣрію; говорилъ о подчиненіи инородцевъ общимъ законамъ, въ видахъ скорѣйшаго обрусѣнія, и, наконецъ, о постановленіяхъ прошлагодняго сѣзда съ участіемъ генераль-губернатора и губернаторовъ; при этомъ выразилъ предъ Государемъ свою благодарность графу Игнатьеву и барону Корфу за ихъ усердіе къ дѣлу Святой вѣры. По выслушаніи меня, Государь всталъ и, подходя ко мнѣ, сказалъ: „такъ вы сюда на одну зиму (Государю сообщено о желаніи Владыки уѣхать весной) пріѣхали?“ „Кланяйтесь отъ меня графу Игнатьеву; (графъ Игнатьевъ былъ тогда еще въ Моствѣ) очень радъ, что познакомился съ вами, благодарю за икону“.

Государь вообще Преосвященныхъ принимаетъ ласково, но со мною Ему, кромѣ приѣма, хотѣлось поговорить и о дѣлахъ.

Послѣ представленія повели меня опять въ ту комнату, гдѣ я пилъ чай. Тамъ предложенъ былъ мнѣ завтракъ (по-нашему—обѣдъ въ четыре блюда, съ горячимъ). Такъ какъ до отхода поѣзда желѣзной дороги оставалось еще съ часъ, то священникъ повелъ

меня посмотрѣть придворную церковь; стѣны церкви всѣ увѣшаны были дорогими иконами, поднесенными Государю разными лицами. Служба не начинается до прихода Государя и продолжается гораздо дольше, чѣмъ бывало прежде. Съ духовными Государь весьма ласковъ.